

Р. М. Лазарчук

СТИХОТВОРЕНИЕ М. Н. МУРАВЬЕВА
«БОГИНЕ НЕВЫ»
И ПИСЬМА ПОЭТА

(роль биографических реалий в интерпретации текста)

«Богине Невы» (1794) — одно из немногих стихотворений Муравьева, вошедших в культурную память пушкинской эпохи. В разное время и с разными целями его процитировали Батюшков («Ложный страх. Подражание Парни», «Прогулка в Академию художеств») и Пушкин («Евгений Онегин»), оставив нам лишь возможность задуматься над причинами столь удивительного совпадения и предпочтения. Совершенство поэтической формы этого стихотворения не снимает, а множит его загадки. Почему Муравьев, так редко решавшийся на обнаружение своих опытов, выбрал для публикации в «Аонидах» (1797. Часть 2) именно его? Отчего оно почти не имеет аналогов? Ведь в художественной системе Муравьева так много значит повтор — повторяемость тем, ситуаций, поэтических образов. Откуда па севере такая, словно наступившая после томительной истомы южного дня, прохлада («Полоц вечер твой прохлады»)?¹ И неужели только своевольным полетом фантазии вызваны упоминания о Паросе и Лемносе (Лемне), бостанжи и кизляр-аге, Тамизе и Таго?

В письмах Муравьева отцу Н. А. Муравьеву, сестре и зятю Ф. Н. и С. М. Луниным есть три фрагмента, имеющих самое непосредственное отношение к стихотворению «Богине Невы».

6 ноября 1777 года. «Сегодня был прекрасный день, и я, идучи тихонько, не один раз останавливался, особливо по набережной, чтоб насладиться видом Невы и ее окрестностей: это еще первый мороз, но такой, что с жарким солнечным сиянием

его почти и не слышно. Вместо того, что накануне грязи было по колено, нынче не замараешь ног. Тонкий туман, теряющий почти синеву свою в солнечных лучах, стоял вокруг берегов. Мне было мило, что я петербургский гражданин: вить все делает воображение»².

7 июня 1781 года. «В полночь вчерась зачалась Серенада на берегу, которых здесь уже давали пяток, с тех пор как стоит хорошая погода. Часа два продолжалось зрелище толпы господ и господж, медлительно движущейся взад и вперед, между тем как вся улица загромощена каретами»³.

5 июня 1791 года. «Нет, я ручаюсь, ваш прекрасный климат не может произвести дня жарчае сегодняшнего; далеко от вчерашней ночи голубой, спокойной, светлой, которую я всю пробродил на берегу Невы»⁴.

Впечатления и зарисовки разных лет объединены не только темой, но и заданием. «Я ищу на берегу, в моих уединенных гуляньях<...> тех же удовольствий, которые вкушал я в них 15 лет назад и едва могу поймать тень воспоминаний»⁵. Увиденное и пережитое не просто помнится. К ним возвращаются сознательно. Переживается уже пережитое, ловится «тень воспоминаний». Не оттого ли столь поразительны некоторые совпадения. Как будто стихи не пишутся, а припоминаются. Из памяти извлекаются ситуация («ночь... которую я всю пробродил на берегу Невы») и «скульптурно зримый образ поэта»⁶ («...и я, идучи тихонько, не один раз останавливался, особливо по набережной, чтоб насладиться видом Невы и ее окрестностей»)⁷. Именно так рождаются строки:

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пинт,
Что проводит ночь бессону,
Опершися на гранит. (С. 236)

Не создаются, а воспроизводятся отдельные поэтические образы и картины, найденные давно, сразу и словно врезавшиеся в память:

Берег движется толпой,
Как волшебной серенады,
Глас приноситя волной.
Ты велишь сойти туманам... (С. 235)

Но как неузнаваемо преображаются другие. Вместо прозрачно ясных акварелей («тонкий туман, теряющий почти синеву свою в солнечных лучах»; «ночь, голубая, спокойная, светлая») — полутона, едва уловимая дымка пастели:

Зыбн кроет тонка тьма
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих (С. 233)

Вместо описаний, изобилующих конкретными деталями (см. описание гуляний в Летнем саду⁸ или катания на лодке «между островов Крестовского, Петровского, Каменного и Аптекарского»⁹), — величественно строгий образ города на Неве:

Протескай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова!

Ты с морями сочтасяшь
Бурны росскп озерá
И с почтеньем обтекаешь
Прах Великого Петра. (С. 234)

И все же наибольшей трансформации подвергается лирическое «я». Чувствительный путешественник¹⁰ и мечтатель, «восторженный пинт» и «петербургский гражданин»... К этим уже знакомым нам по письмам измерениям «я» в стихотворении «Богине Невы» добавится новое: гражданин России, сын Отечества. Восточные реалии в «Богине Невы» — совсем не следствие произвола фантазии. Вторая русско-турецкая война (1787—1791) — постоянная тема писем Муравьева к Ф. Н. и С. М. Луниным. Сообщения Муравьева напоминают то военную хронику («...вы не слыхали еще, я думаю, о морской баталии на Черном море, которую выиграл наш контр-адмирал Ушаков. Капитан, пашишский корабль сожжен, другой взят») ¹¹, то победные реляции («Хотите ли, чтоб я вам возгласил военною трубою? Наши знамена «развеваются» на струях Дунайских. Взяты Исакча и Тулча. Ожидают взятия Измаила. Рибас, предводитель нашей гребной флотилии, сжег и забрал турецкую») ¹². У воспитателя великих князей свои источники информации. Из Петербурга в село Никольское «Тамбовского наместничества в Кирсановской округе» летят новости, опережающие официальные сообщения: «...не имеет ли права московский газетчик на меня жаловаться, что я у него перебиваю лавочку» ¹³. Но за всеми известиями — постоянное и тревожное ожидание мира: «Еще несколько побед и добрый мир или лучше и без побед мир»; «Здесь было веселье, фейерверк... Сколько забав для шведского миру: что будет, когда мы усовестим сии чалмы неверных?» ¹⁴ «...Я почитаю вас приятелями мира и для того предпочитаю говорить о надеждах его приближения, нежели о победах Рспнина и Гудовича» ¹⁵; «Я жслаю мира, но это так

стыдно, что иной подумает, что я трус...»¹⁶. Ясский договор, подписанный 29 декабря 1791 г., упрочил положение России в Причерноморье. Однако новой, еще одной оды «На победы, одержанные русским оружием», или «На замирение России с Портою Оттоманскою» Муравьев не создал: время победоносных песен для него уже безвозвратно прошло. В стихах, написанных 3 года спустя, эта тема не стала ни главной, ни единственной. Она лишь одна из тем, подтема, не всегда выраженная словесно и обнаруживаемая, главным образом, благодаря внетекстовым связям:

В недре моря Средиземна
Нимфы славятся твои:
До Пароса и до Лемна
Их промчались струи.

Рекн гречески стыдятся,
Вспомниная жребий свой,
Что теперь в их ток глядятся
Бостанжи с кизляр-агой... (С. 234—235)

Только в контексте писем Муравьева становится понятным, почему привычным для русской поэзии восточным реалиям («мурза», «паша», «султан», «визирь») Муравьев предпочел те, с которыми связаны самые страшные и унижительные проявления турецкого владычества в Греции. Ведь бостанжи — начальник полиции в Константинополе, а кизляр-ага — старший свнух в гареме турецкого султана. Ясский мирный договор поколебал господство Оттоманской империи, державшей под своим контролем все Средиземноморье, но желанной свободы для греков — братьев по вере — не принес. Едва ли случаен выбор и других топонимов:

От Тамизы и от Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя им сродна влага
Расстиляется под ней. (С. 235)

Тамиза (Темза) воспринимается как напоминание о том, что именно Англия подстрекала Турцию к войне с Россией и препятствовала переброске Балтийского флота в Средиземное море, как укор победительницы... «Теперь владычество морей принадлежит России...»¹⁷, — пишет Муравьев родным. Таг (Тахо) — река в Испании. К этой стране с конца 1780-х годов поэт особенно привязан: «Я начинаю... учиться по-испански. Ездя по полям и лугам как Дон-Кихот, справедливо, чтоб я читал историю моего подлинника на природном языке...»¹⁸.

Письма Муравьева кажутся обширным автокомментарием к его стихотворению. Они позволяют увидеть за прихотливым движением чувств, сменой настроений реальный факт, биографическую основу и в «легкой поэзии», традиционно воспринимаемой лишь как «продукт случайных эмоций»¹⁹. «Богине Невы» — очень личные стихи. Муравьев шел к ним долго, почти 20 лет. Самое название стихотворения может быть воспринято как автореминисценция из стихотворного обращения к Василию Ивановичу Майкову (1775), повторенная им в ответном «Сонете к Михаилу Никитичу Муравьеву» (1775):

А бог Невы скорбит... (С. 129)
И бог Невы хоть нас, как мню, не позабудет,
Но более скорбеть о пенин не будет²⁰.

Однако для того, чтобы поэтический образ («бог Невы») мог стать новой для Муравьева темой («Богиня Невы», город на Неве), необходимо было отказаться и от громкой риторики классицистических «похвал» «царствующему граду Санкт-Петербургу», и от так характерного для сентименталистов противопоставления «цивилизованного города, гнезда пороков и волнений» «простой сельской жизни»²¹.

Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользкий счастья путь, где ров цветами скрыт, (С. 159).

— пишет Муравьев в элегии «Ночь». Таким образом, стихотворение «Богине Невы» явилось результатом преодоления и его собственного поэтического опыта. Личное начало²² оказалось сильнее традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 235. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

² Муравьев М. Н. Письма отцу и сестре 1777—1778 годов. Публикация Л. И. Кулаковой и В. А. Западова//Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 312.

³ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИГИМ). Собр. Чертковых. Письма М. Н. Муравьева к Н. А. Муравьеву с приписками к сестре 1781—1787 гг., ф. 445, ед. хр. 52. л. 7, об. —8.

⁴ ОПИГИМ. Собр. Чертковых. Письма М. Н. Муравьева С. М. и Ф. Н. Луниным, 1791 г., ф. 445, ед. хр. 55, л. 35.

⁵ Там же.

⁶ Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева//Муравьев М. Н. Указ. соч. С. 47.

- 7 Письма русских писателей XVIII века. С. 312.
- 8 ОПИГИМ. Собр. Чертковых, ф. 445, ед. хр. 52, л. 7.
- 9 Там же. Ед. хр. 55, л. 43.
- 10 См. об этом: Фоменко И. Ю. Из прозаического наследия М. Н. Муравьева//Русская литература. 1981. № 3. С. 121—124.
- 11 ОПИГИМ. Собр. Чертковых. Письма М. Н. Муравьева С. М. и Ф. Н. Луиным 1781—1790 гг., ф. 445, ед. хр. 53, л. 62, об. — 63.
- 12 Там же. Л. 84, об. — 85.
- 13 ОПИГИМ. Собр. Чертковых. Письма М. Н. Муравьева С. М. и Ф. Н. Луиным 1789 г., ф. 445, ед. хр. 54, л. 66, об.
- 14 ОПИГИМ. Собр. Чертковых, ф. 445, ед. хр. 53, л. 62, об.; 64, об.
- 15 Там же. Ед. хр. 55, л. 44.
- 16 Цит. по: Эйдельман Н. Луни. М., 1970. С. 14.
- 17 Там же. С. 13.
- 18 ОПИГИМ. Собр. Чертковых, ф. 445, ед. хр. 54, л. 73, об.
- 19 Бруханский А. Н. М. Н. Муравьев и «легкое стихотворство»//XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 170.
- 20 Майков В. И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 305.
- 21 Манин Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 143.
- 22 О роли личного начала в поэзии Муравьева см.: Кулакова Л. И. Указ. соч. С. 25—49; Корман Б. О. Кризис жанрового мышления и лирическая система (о поэзии М. Н. Муравьева)//Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. С. 161—171.